

Дверь тихо скрипнула, и в открытое окно ворвался порыв ветра, хлестнувший Цзянь Хуая по ледяному лицу.

У Цзянь Хуая были на редкость красивые глаза — тёмные, глубокие, пугающие. Мало кто осмеливался подолгу смотреть в них: эта бездонная синева, холодная и отрешённая, затягивала, точно в бесконечный водоворот. Весь день напролёт он мог неподвижно сидеть, глядя на озёрную гладь за резной решёткой ограды.

Между его тонкими пальцами тлела сигарета. Алый огонёк едва заметно подрагивал, окутывая безучастную фигуру сизым дымом.

— Как ты себя чувствуешь сегодня?

Пришедший двигался неспешно, размеренно. Подойдя вплотную, он наклонился и тонкими пальцами слегка коснулся отросших волос Цзянь Хуая. Лицо гостя светилось мягкостью, но в глазах, впившихся в лицо пациента, читался жадный, почти плотоядный интерес.

Цзянь Хуай поднял худое лицо и выдохнул дым прямо ему в глаза. Он едва заметно усмехнулся, но взгляд остался безжизненным.

— Мэнь Чэнь, ты слишком много болтаешь, — голос Цзянь Хуая звучал тихо и бесцветно.

Мэнь Чэнь выпрямился и шутливо поднял ладони, сдаваясь.

— Не сердись. Давай просто насладимся моментом нашего уединения.

Он забрал сигарету из рук Цзянь Хуая и прижал фильтр к своим губам. Чуть влажный кончик заставил его улыбнуться. Сделав глубокую затяжку, он довольно прищурился, словно смакуя какую-то тайную, только ему понятную победу.

Мэнь Чэнь выглядел как типичный интеллеktуал: бледная кожа, узкие лисьи глаза и вечно вежливая, едва уловимая полуулыбка. Когда он смотрел на Цзянь Хуая, в его взоре вспыхивали искры странной, болезненной нежности.

Цзянь Хуая же от одного вида этого лица тошнило. Внутренне содрогаясь от пафосного притворства доктора, он лишь мысленно усмехнулся и решил больше не тратить слов. Обернувшись, он вышел к постели.

На кровати было расстелено мягкое светло-голубое бельё. Мэнь Чэнь заботливо взбил подушку, помогая Цзянь Хуая устроиться поудобнее, а сам уселся на стул рядом. Он смотрел на него, приподняв бровь, точно хитрая лисица.

Цзянь Хуай лёг, прижавшись затылком к мягкой ткани. Тонкий аромат, исходивший от подушки, коснулся его щеки.

Как и всегда, Мэнь Чэнь принялся вкрадчиво рассказывать о каких-то пустяках, изредка задавая ничего не значащие вопросы. Цзянь Хуай слушал молча, лишь изредка роняя короткое слово в ответ.

К вкрадчивому шепоту доктора примешивалась музыка. Она доносилась откуда-то издалека — хрустальные переливы, похожие на звон родниковой воды, впадающей в озеро, или на шорох крыльев всполошённой птицы в листве.

«Рыбы радостно плещутся в глубине, птицы парят в лазурном небе, белка грызёт орех, заяц скачет по траве...»

Мэнь Чэнь заметил, как затрепетали ресницы Цзянь Хуая. Дыхание пациента стало ровным, а на бледном лице отразилось редкое спокойствие. Его руки были скрещены на животе, выглядя беззащитными и прекрасными.

Доктор потёр большой палец об указательный — руки чесались коснуться этой кожи, но он сдержался. Выудив из кармана стерильный пакет, он достал шприц и ампулу. Набрал лекарство, он легонько щелкнул по стеклу. Его рука скользнула по внутреннему сгибу локтя Цзянь Хуая, на мгновение задерживаясь на нежной коже, прежде чем найти нужную точку. Игла мягко вошла в плоть, и светлая жидкость хлынула в синеватую вену.

Цзянь Хуай ощутил этот ледяной поток в своей крови. Он нахмурился — инстинкт отчаянно сопротивлялся погружению в бездонную пучину забытья.

— Тебе нужно отдохнуть. Пусть тебе приснится чудесный сон, — прошептал нежный голос над самым ухом.

Игла покинула тело.

Постель казалась огромной и невыносимо мягкой. Конечности налились свинцовой тяжестью, но сознание странным образом взмыло вверх.

Белоснежный потолок начал таять.

Голос Мэнь Чэня, то удаляясь, то приближаясь, окончательно растворился в пространстве. Цзянь Хуай перестал различать слова, но они словно впитывались прямо в его сердце.

Его тело словно парило в невесомости. Это ощущение — привычное, мягкое и пугающе комфортное — он испытывал уже бесчисленное количество раз. Всегда напряжённые нервы наконец начали расслабляться.

Хотя в памяти Цзянь Хуая не осталось ни одного чёткого воспоминания о том, когда именно он через это проходил.

Он позволил себе раствориться. Окружающий мир затих, воздух стал разреженным, в ушах зазвучал низкий гул, а тело внезапно обрело плотность.

Цзянь Хуай почувствовал, как его конечности касаются земли. Он стоял на коленях — нет, на четырех ногах. Под копытами ощущалась влага.

В ушах пел ветерок, донося щебет птиц, звучащий как божественная симфония самой природы.

На изумрудно-зелёном лугу, припав к траве, отдыхал прекрасный олень. Его венчали могучие рога цвета первого снега. Шкура, густая и блестящая, переливалась девятью цветами под лучами солнца.

Все лесные обитатели любили его. Они окружали Девятицветного оленя, но никто не решался нарушить его покой. Пока шумный Ворон не опустился рядом. Ткнув острым клювом в его ухо, он заставил оленя очнуться.

Это был его лучший друг.

— Девятицветный олень! Девятицветный олень! — Ворон беспокойно запрыгал вокруг.

Цзянь Хуай открыл глаза. Он поднял переднее копыто и в замешательстве уставился на него. Он не понимал, как стал животным — в голове царил абсолютная пустота.

Но в миг пробуждения он чётко осознал одно: он не должен быть этим зверем. И этого леса здесь быть не должно.

Он поднялся на все четыре ноги и огляделся. Восходящее солнце золотило реку. Заметив, что он проснулся, звери потянулись ближе, даже ветви деревьев зашелестели, приветствуя его.

Ворон заглянул ему в глаза:

— Там, на том берегу, человек! Он без сознания. Добрый Девятицветный олень, скорее, взгляни на него!

Цзянь Хуай окинул взглядом галдящую толпу зверей. Повинуясь призыву, он зашагал вслед за Вороном к кромке леса.

Человек лежал на берегу, наполовину погружённый в воду. Длинный плащ укрывал его тело, а голова покоилась на песке, открывая профиль.

Цзянь Хуай равнодушно скользнул по нему взглядом. Мужчина был красив: правильные черты лица, волевой разлёт бровей, которые сейчас были сурово сдвинуты. Кожу на щеке рассекали глубокие царапины — должно быть, о речные камни. Раны побелели в холодной воде. Губы пересохла и потрескались, а на щеках горел лихорадочный румянец.

«Болен?» — безучастно подумал Цзянь Хуай.

Жалости он не чувствовал. Вид этого существа — мягкого, беспомощного и пахнущего кровью — вызывал лишь глухое раздражение.

Подойдя ближе, Цзянь Хуай легонько толкнул мужчину копытом, переворачивая его на спину. Открылась промокшая насквозь сорочка и приталенный жилет. Ткань пропиталась кровью, которая продолжала окрашивать траву и речную воду в багровый цвет. Брюки были изорваны, обнажая израненные ноги.

Цзянь Хуай не собирался вмешиваться. Но делать всё равно было нечего — он очнулся в теле зверя посреди бескрайнего леса, не помня ни имени своего, ни прошлого.

— Девятицветный олень, спаси его, он ведь умрёт! — умолял Ворон.

Над головой внезапно громынуло. Лазурный небосвод в мгновение ока затянуло тяжёлыми тучами. Ослепительные молнии прорезали черноту, а лес содрогнулся от раскатов грома.

Собирался дождь.

Цзянь Хуай уставился на угольно-чёрную птицу:

— Ворона, ты правда считаешь, что я должен его спасти?

Ворон склонил голову набок:

— Но ты ведь самый добрый из всех. Почему нет?

Цзянь Хуай холодно усмехнулся. Оленьи глаза, обычно кроткие, остекленели, он смотрел с ледяной пронзительностью.

— А если не спасу? Мне-то что до того, жив он или мёртв?

Ворон вскрикнул, явно разозлившись. Он не понимал, как Девятицветный олень может говорить такое.

— Ты — избранник небес! Тебе дарована сила исцеления! Если ты не поможешь ему, то горько пожалеешь в будущем!

Ворон беспокойно запрыгал по траве:

— Молю тебя, спаси его. Он хороший человек, я чувствую это.

Цзянь Хуай молчал, ледяным взглядом наблюдая за происходящим. Но Ворона не унималась.

— Посмотри на него: статный, благородный... такой человек не может быть злым. Ему точно можно доверять!

Он кружил над головой оленя, решив, видимо, не замолкать, пока тот не сдастся. Цзянь Хуай, раздражённый этим гвалтом, посмотрел на испачканный в иле воротник чужака.

В конце концов, он решил вытащить его на берег. Он попытался ухватиться зубами за одежду, но мужчина оказался слишком тяжёлым.

Оглядев собравшихся зверей, он кивнул крупному хищнику:

— Гризли, помоги мне. Отнеси этого раненого к моему жилищу.

Медведь, выказывая глубокое почтение, подхватил мужчину за воротник, легко закинул себе на спину и последовал за Цзянь Хуаем.

Огромная процессия зверей двинулась вглубь леса. Цзянь Хуай шёл во главе, чувствуя копытами влажную землю. Животные вокруг вели себя по-детски беспечно, а он лишь стискивал зубы, ощущая во рту привкус горечи.

Гризли склонил косматую голову:

— Впереди ваша обитель. Без вашего приглашения нам туда не пройти.

Путь преграждала стена тумана, колышущаяся, словно в сказочном сне. Воздух стал влажным и тяжёлым.

— Иди за мной, Гризли, — бросил олень, вступая в марево.

В одно мгновение мир преобразился. Остальные звери, не получив приглашения, остались за пеленой тумана и вскоре разошлись.

Гризли осторожно сгрузил раненого на землю, поклонился и исчез в лесу. Цзянь Хуай даже не взглянул на человека, чьё дыхание становилось всё слабее. Он изучал свой новый дом.

Жилище Девятицветного оленя находилось в корнях исполинского дерева. Когда Цзянь Хуай поднял голову, он увидел лишь бесконечное переплетение ветвей, уходящих прямо в свинцовое небо. Казалось, крона подпирает сами облака.

Дерево окружали яркие цветы и мерцающие травы, окаймлявшие радужное озеро. От воды поднимался молочно-белый пар, пахнувший свежестью и негой. Несмотря на то что в небе бушевала гроза и на землю обрушился ливень, на Цзянь Хуая не упало ни капли — раскидистое дерево надёжно укрывало своего любимца.

«Странный мир», — подумал он.

Цзянь Хуай вошёл в пещеру под корнями. Внутри было на удивление уютно: пол устилал мягкий, точно облако, ковёр, а стены были украшены драгоценными камнями, излучавшими нежный свет. В углу лежал пышный мат для отдыха.

Раненый так и остался лежать на полу у входа.

Цзянь Хуай посмотрел на этого жалкого человека. Роскошный чёрный плащ превратился в грязную ветошь. Под ним виднелась тонкая шелковая сорочка с золотыми пуговицами и жилет искусной работы. Кровь продолжала сочиться из глубокой раны на бедре.

«Он испачкает мой дом своей грязью и кровью», — пробормотал Цзянь Хуай.

Волна неконтролируемого отвращения захлестнула его сердце.

Внезапно перед глазами возникло призрачное прозрачное окно с текстом:

[Девятицветный олень — дитя небес и земли, таинственное существо, чьи слёзы и кровь способны исцелить любой недуг. Но люди не могут найти его след, зная о нём лишь из древних легенд.]

[Перед вами — сказочно богатый торговец. На него напали жестокие разбойники, отобрали все ценности и, изранив, бросили в реку. Течение принесло его в лес Девятицветного оленя. Его жизненные силы на исходе, а кровь пачкает чистое и прекрасное жилище.]

[Ваш выбор...]

[Вариант выбора 1: Спасти несчастного торговца]

[Вариант выбора 2: Оставить торговца на волю случая]

[Вариант выбора 3: Убить торговца, чтобы сохранить тайну своего существования]

«Похоже на игру. Какое скучное развлечение», — холодно подумал Цзянь Хуай.

Он легонько коснулся рогом окна, и оно мгновенно растаяло. Цзянь Хуай подошёл к мужчине, разглядывая его бледное лицо и длинные чёрные волосы. Глаза незнакомца были плотно закрыты.

«Интересно, какого они цвета? Глубокие, как бездна, или ясные, как небо?» — лениво пронеслось в голове.

Цзянь Хуай резко наклонился и с силой вогнал острый рог в едва вздымающуюся грудь. Плоть подалась, и рог погрузился в тёплое, живое тело. Это ощущение вызвало у Цзянь Хуая странный, почти болезненный вздох удовлетворения.

— Просто умри, — негромко произнёс он.

Странно, но он слишком хорошо понимал человеческую природу. Людская алчность не знает границ. Стоит этому человеку спастись и рассказать о Девятицветном олене, как этот райский уголок будет осквернён. Сам олень превратится в добычу, в кусок плоти, приносящий выгоду. Тьма поглотит мир, и небо навсегда затянет тучами.

Помедлив секунду, он рванул голову вверх, разрывая плоть. Звук раздираемых мышц в тишине пещеры прозвучал оглушительно. Рог вспорол дорогую ткань и грудную клетку, вызвав фонтан алых брызг.

Кровь, точно капли дождя, окропила сияющую шкуру оленя.

Цзянь Хуай опустил голову. Человек в луже крови внезапно распахнул глаза. Отражение Девятицветного оленя застыло в его зрачках.

Лицо мужчины, даже искажённое предсмертной мукой, хранило печать благородства. Высокий лоб, волевой подбородок, густые ресницы... В последний миг в его взгляде мелькнуло странное сочетание власти и нежности, прежде чем свет в глазах окончательно погас.

Этот человек излучал силу и надёжность, но пал жертвой собственной слабости.

Жизнь покинула его. Кровь быстро пропитала ковёр, и в воздухе повис тяжёлый металлический запах. Цзянь Хуай чувствовал, как липкая влага обволакивает его копыта.

Новых окон с выбором не появилось.

Цзянь Хуай ощутил внезапный озноб. Он подогнул ноги и зарылся в мягкий мат, прикрыв глаза. В свете драгоценных камней его шкура вспыхнула всеми цветами радуги. Он погрузился в сон, и тьма сомкнулась над ним.

***

Когда Цзянь Хуай открыл глаза, он обнаружил, что свернулся калачиком в объятиях женщины.

— Малыш, ты проснулся? — женщина, державшая его, была ослепительно красива. В её синих, как океан, глазах светилась безграничная нежность. Золотистые локоны коснулись лица Цзянь Хуая, вызвав лёгкую щекотку.

Заметив его молчание, она ласково погладила его по щеке.

— Тебе всё ещё плохо? Ничего, мы скоро прибудем в Королевство Западных Земель и встретимся с твоим отцом.

Она приподняла его, прижимая к себе так крепко, словно не хотела отпускать ни на миг. Её взгляд, полный любви и тревоги, заставил сердце Цзянь Хуая сжаться.

Он посмотрел на свои руки — маленькие, пухлые, с нежно-розовыми ногтями.

«Разве я не был оленем? Почему теперь я ребёнок? Кто я на самом деле — зверь или человек? Неужели всё это было лишь странным сном во время долгого пути?» — Цзянь Хуай не находил ответов.

Женщина нежно похлопала его по спине и поцеловала в макушку.

— Малыш хочет ещё поспать или проголодался?

Цзянь Хуай не успел уклониться от ласки. Чувствуя, что спать ему больше не хочется, он глухо ответил из её объятий:

— Хочу есть.

Он выбрался из её рук и сел рядом, изучая её лицо. Оно казалось ему смутно знакомым.

— Мама, — тихо позвал он. В его душе всколыхнулись странные, противоречивые чувства.

— Что такое, мой Нил? Почему ты так на меня смотришь? — она поправила его волосы. На её тонких пальцах сверкали дорогие кольца, а на запястье позвякивали браслеты из самоцветов.

Поцеловав сына в лоб, она приподняла занавеску кареты и велела слугам подать еду. Цзянь Хуай коснулся своего лба.

— Всё в порядке. Просто... приснился долгий кошмар.

— Мой любимый Нил, — Лилиан снова привлекла его к себе. — Не бойся, сны — это лишь тени. Мама всегда защитит тебя.

Цзянь Хуай невольно втянул аромат её духов — нежный запах цветов. Он стиснул зубы и прижался к ней.

— Я верю тебе, мама.

Всадник подал в окно изящную шкатулку. Внутри лежали сладости: одни в форме кроликов и кошек, другие — как розы и маргаритки.

— Угощайся, сокровище моё. Скоро мы будем на месте, и папа обязательно устроит пир в твою честь.

— Спасибо, мама.

Цзянь Хуай взял печенье в форме розы. Тонкий аромат коснулся его ноздрей.

«Я — Нил, сын сказочно богатого Алекса Кеннета. Моя мать — Лилиан, признанная красавица».

Детские воспоминания походили на спутанный клубок ниток — невозможно найти начало. Цзянь Хуай смотрел в окно на проплывающие мимо пейзажи и величественные здания, пытаясь вспомнить.

Алекс Кеннет был самым богатым торговцем в Западных Землях. Семья Лилиан не уступала ему в достатке. Они были идеальной парой, и их единственный сын, родившийся через три года после свадьбы, рос в неге и обожании.

***

Цзянь Хуай стоял у окна. Горничная застёгивала ворот его белой сорочки, поправляла сапфировые запонки и надевала жилет в тонкую клетку, подчеркивающий его стройную фигуру.

Незаметно пролетело пятнадцать лет. Маленький мальчик превратился в прекрасного юношу.

В роду Кеннетов была примесь восточной крови, но чёрные волосы проявлялись редко. В Королевстве Западных Земель это считалось экзотикой. Цзянь Хуай унаследовал от родителей всё лучшее: безупречное лицо, статную фигуру и те самые редкие, иссиня-чёрные волосы.

Солнечные лучи играли в его прядях. Его лицо, совершенное, точно изваяние из ценной кости, веяло холодом. Из-под густых, длинных ресниц он смотрел ледяными синими глазами, в которых застыло бесконечное безразличие к миру.

Горничная закончила работу и беззвучно удалилась. Цзянь Хуай бросил взгляд на шумную улицу внизу и спустился в столовую.

Алекс Кеннет и Лилиан уже ждали его.

— Нил, сокровище, иди завтракать, — как и много лет назад, в голосе матери звучала безграничная любовь.

— Доброе утро, отец, мама, — Цзянь Хуай вежливо кивнул.

Алекс посмотрел на сына, и его суровое лицо смягчилось. Он подал знак, и слуги принялись расставлять блюда на длинном столе.

— Нил, какие планы на сегодня?

Цзянь Хуай помедлил.

— Никаких особенных планов, отец.

— Тогда вечером пойдёшь со мной на приём. Старик Эдгар собирается объявить о своём уходе и передать дела молодому поколению. Наследник — твой старый знакомый.

Цзянь Хуай методично резал еду, не издавая ни звука. Проглотив кусочек, он кивнул.

«Должно быть, это Кунтин», — лениво подумал он. Глава рода Эдгар был известен своей любвеобильностью и несчётным количеством бастардов, но своим преемником он всегда видел только законного сына — Кунтина.

Цзянь Хуай вспомнил их первую встречу. Ему было восемь. Эдгар привёл Кунтина в их дом, надеясь на выгодное партнёрство.

Маленький Нил стоял на верхней площадке винтовой лестницы, наблюдая за гостями. Его взгляд был настолько прямым и острым, что сидевшие внизу мгновенно почувствовали его. Алекс подозвал сына и усадил рядом на диван.

В то время отец всерьёз беспокоился о нелюдимости Нила. После переезда в Западные Земли мальчик почти перестал разговаривать, став замкнутым и одиноким. Он избегал общения, предпочитая в одиночестве читать книги или играть на пианино. Он был послушным, но совершенно закрытым.

Нил выполнял просьбы родителей, изредка играл со сверстниками, но всегда держался особняком, явно скучая в их компании. Со временем Алекс понял, что у его сына совсем нет друзей.

— Это мой единственный сын, Нил, — представил его отец. — Нил, это мой друг Эдгар и его сын Кунтин.

Нил лишь сухо кивнул. Алекс не стал настаивать на вежливости — он привык к холодности сына, хотя она его и пугала. Эдгар же, заметив, как Кеннет дорожит мальчиком, рассыпался в комплиментах и предложил Кунтину составить Нилу компанию на прогулке.

Кунтин, сверкнув изумрудными глазами, мягко улыбнулся:

— Дорогой Нил, позволишь мне скрасить твой досуг в этот прекрасный день?

— Нил, иди, — подбодрил его отец. — Пообщайся с новым другом.

— Хорошо.

В тот день Кунтин повёл его на рыцарский турнир. Они сидели в центральной ложе, окружённые ревущей, возбуждённой толпой.

— Господин Кунтин, желаете сделать ставку? — почтительно склонился слуга.

Кунтин повернулся к Нилу:

— Хочешь поставить на кого-нибудь? Это наша любимая забава. Можно озолотить бойца, а можно смотреть, как он теряет всё, даже жизнь. Игра для богатых, бойня для бедных.

Цзянь Хуай посмотрел на арену. Двое всадников в доспехах готовились к схватке. Разница между ними была разительной. Один — огромный, закованный в сверкающую серую сталь, излучал уверенную мощь. Другой — маленький, в изношенном, явно великом ему доспехе, выглядел жалко. Исход был очевиден.

— Не буду ставить, — бросил Цзянь Хуай.

— Этот коротышка — бастард моего отца по имени Цзяи. Плод случайной связи, никому не нужный мусор. Мать его тоже из низов, видимо, совсем голодают, раз отправили ребёнка на верную смерть ради медного гроша. Исход ясен, но я, как старший брат, должен проявить милосердие. Поставлю-ка я на его победу, — Кунтин с небрежной улыбкой бросил две золотые монеты на поднос.

Его голос звучал вкрадчиво и вежливо, но Цзянь Хуая эта болтовня только раздражала. Он молча подпёр подбородок рукой, глядя на арену. Ему просто хотелось, чтобы этот день поскорее закончился и он смог отчитаться перед отцом.

Схватка началась. Огромный рыцарь рванулся вперёд, намереваясь одним ударом пронзить грудь мальчишки. Маленький боец отчаянно вскинул копьё, уводя наконечник противника в сторону и пытаясь ударить в ответ.

Это была не битва, а изощрённое издевательство. Цзянь Хуай безучастно наблюдал, как гигант методично избивает ребёнка. Кровь уже щедро окропила песок арены, но бастард продолжал цепляться за гриву коня.

«Почему он не сдаётся? Достаточно упасть — и всё закончится. Неужели деньги важнее жизни?»

Внезапно мир замер. Рёв толпы стих, движения людей остановились, точно кто-то нажал на паузу.

Перед Цзянь Хуаем возникло знакомое прозрачное окно:

[Маленький рыцарь — это Цзяи, бастард Эдгара. У Эдгара есть законный наследник Кунтин и множество других детей, поэтому жизнь Цзяи для него ничего не значит. Кунтин пообещал Цзяи признание семьи, если тот докажет свою доблесть. Но турнир принадлежит роду Эдгар, и Кунтин, как наследник, может остановить бой, выплатив двойную ставку. Противник Цзяи — верный человек Кунтина, получивший приказ убить бастарда.]

[Дорогой Нил, ваш выбор...]

[Вариант выбора 1: Попросить Кунтина пощадить Цзяи]

[Вариант выбора 2: Остановить бой, используя влияние семьи Кеннет]

[Вариант выбора 3: Продолжить наблюдение. У каждого своя судьба]

Это ощущение дежавю... словно нечто подобное уже случилось в каком-то забытом сне. Цзянь Хуай не спешил. Он посмотрел на Кунтина, застывшего рядом. Красивое лицо, каскад каштановых волос, изумрудный взгляд... На поверхности — сама добродетель, но в глубине — бездонный колодец жестокости.

Цзянь Хуай не собирался никого спасать. Зачем ему просить за какого-то бастарда? И уж тем более впутывать семью Кеннет?

Но прежде чем он успел сделать выбор, окно исчезло, сменившись строкой:

[Время ожидания истекло. Выбор по умолчанию: Вариант 1]

Цзянь Хуай вздрогнул. Голову пронзила острая боль.

[Приказ: Попросите Кунтина о пощаде]

Он пытался сопротивляться, но боль становилась невыносимой, тело перестало подчиняться. Рука Цзянь Хуая сама собой потянулась к Кунтину и крепко сжала его ладонь.

Кунтин почувствовал это прикосновение и обернулся. Он столкнулся взглядом с ледяными синими глазами, которые внезапно наполнились влагой и стали беззащитными. В этом взгляде засияли звезды, заставив сердце Кунтина забиться быстрее — в глубине его зрачков вспыхнула смесь жадности и предвкушения.

— Мой дорогой Нил, что с тобой?

Цзянь Хуай до боли стиснул зубы, не желая произносить ни слова, но мозг словно прошло разрядом тока. Губы зашевелились против воли, и из них вырвалась отчаянная мольба, перемежающаяся со всхлипами:

— Брат Кунтин... прошу тебя, спаси того рыцаря... его же убьют...

Юноша поднял заплаканное лицо, с надеждой глядя на Кунтина.